

В. И. Пефтиев

Экзистенциализм (невостребованное) в творчестве Н. К. Михайловского (1842–1904)

Николай Константинович Михайловский (1842–1904) – яркая, но спорная фигура в истории общественной мысли и действия на протяжении более четырех десятилетий (от Великих реформ 60-х гг. XIX в. и до безвременья эпохи «конца века» («fin de siècle»). Его творческое наследие разнопланово и обширно (10 томов в собрании сочинений 1914 г.). Многогранный талант Н. К. Михайловского позволял ему быть одновременно социологом (субъективный метод), публицистом на страницах ведущих журналов («Отечественные записки» и «Русское богатство»), литературным критиком и лидером народничества (на всех этапах его эволюции). В статье предложен нетрадиционный подход к исследованию его наследия – экзистенциальные темы: смысл жизни; эпоха, писатель и читатель; литература как общественный институт. Показана актуальность отдельных его идей для поколения начала XXI в.

Ключевые слова: смысл жизни, эпоха, писатель и читатель, литература как общественный институт, Н. К. Михайловский.

V. I. Peftiev

Existentialism (unclaimed) in N. K. Mikhaylovsky's creativity (1842–1904)

Nikolay Konstantinovich Mikhaylovsky (1842–1904) is a bright, but disputable figure in the history of social thought and action for more than four decades (from Great reforms of the 60-s years of the 19th century and before hard times of the era of «the end of the century» (fin de siècle). His creative heritage is versatile and extensive (10 volumes in collected works of 1914). Many-sided talent of N. K. Mikhaylovsky allowed him to be at the same time the sociologist (a subjective method), the publicist on pages of leading magazines («Domestic notes» and «The Russian wealth»), the literary critic and the leader of populism (at all stages of his evolution). In the article a nonconventional approach to research his heritage is offered and investigated – existential subjects: meaning of life; era, writer and reader; literature as public institute. Relevance of his some ideas for the generation of the beginning of the 21st century is presented.

Keywords: existential subjects: meaning of life; era, writer and reader, literature as public institute, N. K. Mikhaylovsky.

Николай Константинович Михайловский (1842–1904) – яркая, но спорная фигура в истории общественной мысли и действия России на протяжении более четырех десятилетий (от Великих реформ и до безвременья эпохи «конца века» («fin de siècle»). Его творческое наследие разнопланово и обширно (10 томов в собрании сочинений 1914 г.). Многогранный талант Н. К. Михайловского позволял ему быть социологом, публицистом, литературным критиком и лидером народничества. Что же главное в его публикациях? Вопрос не из легких. Нам приходится различать два типа эволюции: эволюцию взглядов самого Михайловского и эволюцию высказываний о нем современников и последующих поколений. О первой эволюции мало достоверных и непротиворечивых сведений от первого лица, и/или, признаем свое бессилие, – «чужая душа – потемки». Вторая эволюция прослеживается контрастно и противоречиво. Советские авторы концентрировали свое внимание на его народничестве (радикально-демократическое и либерально-демократическое) с водоразделом в конце 70-х гг.

XIX в. Они пристрастно обсуждали перипетии его полемики как с легальными марксистами (П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский), так и с ортодоксами в марксизме (Г. В. Плеханов, В. И. Ленин), а иногда и со своими коллегами-оппонентами. Субъективный метод в социологии трактовался исключительно в рамках оппозиции *материализм – идеализм* [2, 3].

В сборнике избранных трудов Н. К. Михайловского (изд. РОССПЭН, 2010 г., авт. вст. ст. В. В. Блохин) дана взвешенная оценка его деятельности и самых значимых публикаций 70-х гг. позапрошлого века («Что такое прогресс?», «Герои и толпа», «Борьба за индивидуальность» и др.) [4]. В культе безбрежного детерминизма и исторической необходимости Михайловский подметил органический порок зарождавшегося в России марксизма – подавление личности [4, с. 29]. Не обойдено вниманием и наложение жанров в литературной деятельности Михайловского: философ в публицистике и публицист в философии (Н. А. Бердяев) [4, с. 5–7]. Не забыта и одиозная черта личности «властители»

ля дум»: деспотизм в идеологии; разрушение репутации оппонентов в глазах читателей [4, с. 47, 51].

Авторское видение творчества Михайловского вбирает достижения профессиональных исследователей разных поколений и вместе с тем острожно дистанцируется от традиционных маршрутов анализа (осознается грех дилетантства). Наши целевые установки тройкие. Во-первых, обнаружить точки соприкосновения раннего экзистенциализма (Э. Гуссерль, статьи и письма начала XIX в.) и «жесткого ядра» («осевых» идей) в многоцветной фреске публикаций Михайловского. Главное в экзистенциализме (во всех его версиях и ветвях), на наш взгляд, – философия сознания, реальность особая, не сводимая к бытию, но органически связанная с историей эпохи и жизненным миром человека [1, с. 11, 17, 24]. Во-вторых, экзистенциальные темы в публикациях Михайловского соответствовали «духу времени», внутреннему сознанию эпохи, тому, что экзистенциалисты позднее назвали «темпоральностью». На фоне душевного разлада и разгула эгоизма и индифферентности среди современников Михайловский не уставал призывать творить добро и противодействовать злу, искать истину и добиваться справедливости. В-третьих, творческое долголетие Михайловского позволяло ему быть летописцем перемен в поведении человека (героев и народа) при смене эпох. Ему удавались социопсихологические портреты современников в России и Франции до и после исторических катастроф (бифуркаций, поворотных точек). Эти основания (факторы) объясняют наш интерес к личности и идеям Н. К. Михайловского – атипичного таланта для императорской России.

Смысл жизни. Экзистенциализм как философия смысла прорывался наружу сквозь толщу едких реплик в адрес литературных противников и щеголянья своей эрудицией (результат самообразования, поскольку не доучился в Корпусе горных инженеров и отказался от амбиции быть известным адвокатом). Оставляем за скобками рассуждения о смысле жизни самых известных трактатов 70-х гг. XIX в. и обратимся к малым жанрам (заметки, рецензии, отклики). Эти высказывания отмечены двойственностью: с одной стороны, представлены как заповеди, императивы, то есть не подлежат оспариванию и одновременно рассеяны в публицистике и литературной критике применительно к конкретному автору или произведению – с другой стороны. Иными словами – и не морально-философский трактат,

обращенный ко всем, и не личное мнение, без поддержки других. И последнее: смысл жизни – это множество ликов, проявлений. Подтвердим сказанное иллюстрациями, извлечениями, ссылками на отдельные сочинения Н. К. Михайловского.

В сборнике «Литература и жизнь» повторяется давняя мысль (из «Записок профана») о том, что кредо человека – это нечто подобное религии, миру с правилами личной жизни и общественной деятельности. С последующей припиской: «Такой религии нет в современной Франции, и не в ней одной». Там процветают «жизнерадостные циники» [5, с. 19, 21]. Поколение 80-х гг. в России – это «искатели», а идеалы отцов и дедов (Белинского, Добролюбова, Некрасова, Салтыкова-Щедрина) «поруганы», Островский «устарел» [3, с. 91]. В разборе «Скучной истории» А. П. Чехова критик цитирует исповедь незадачливого героя повести: «...каждое чувство и каждая мысль живут во мне особняком. Даже самый искусный аналитик не найдет того, что называется общей идеей или богом живого человека. А коль нет этого, то, значит, нет и ничего» [5, с. 96]. В отклике на приложения к 9-му тому сочинений

Салтыкова-Щедрина Н. К. Михайловский солидаризируется с его пожеланиями к писателям: «Мне кажется, что писатель, имеющий в виду не одни интересы минуты, не обязывается выставлять иных идеалов, кроме тех, которые исстари волнуют человечество (свобода, равноправие, справедливость)» [5, с. 101]. Одновременно Н. К. Михайловский предупреждает: попытки уловить подробности картин будущего – это ошибка исторической перспективы, которая возрождает особое иго – иго мелочей [5, с. 102]. Такую ошибку совершил социалист-романтик Ш. Фурье. В эту ловушку попадали большевики Октября 1917 г., Н. С. Хрущев и адепты «развитого социализма».

Н. К. Михайловский убежден, что истина дается ценою многих и многих заблуждений; он восхищается мужественным поступком В. Белинского: «Я писал мерзости, гнуси, чушь». Великий критик не обелял себя лично, не представлял себя жертвой общественной среды и стечения обстоятельств. Призыв Н. К. Михайловского четкий, без исключений, оправданий: «Не торговать новыми убеждениями!» [5, с. 184, 185]. Н. К. Михайловский обличал тех, кто не желает отличать добро от зла. Такое время он называл «смутой», «смутным временем». В связи с этим он цитирует «Думы» М. Ю. Лермонтова – поэта скорби:

Печально я гляжу на наше поколение,
В бездействии состарится оно...

К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы.

[5, с. 250]

Н. К. Михайловский высоко ценит лермонтовское определение воли, стремления жить достойно: «Воля есть нравственная сила каждого существа, свободное стремление к созданию или разрушению чего-нибудь, отпечаток общества, творческой власти» [3, с. 252]. И подведем итог этому фрагменту неожиданным ответом Н. К. Михайловского на футурологический вопрос: «Когда закончится мир? – В тот день, когда ни одна душа не будет способна помочь другой душе» [3, с. 387]. Повод для размышлений и для XXI в....

Эпоха, писатель, читатель. Исходное понятие этой темы – это дух времени [в очерке «Жестокий талант» (о Достоевском)] [3, с. 257–263]. Очерк в целом и отдельные пассажи о позднем Достоевском выпадают из привычных для читателей XXI в. оценок (они не подвергаются цензуре. – В. П.). Нас интригует сравнение эпох Добролюбова и Достоевского. Приведем близкие к тексту слова Михайловского: дух времени в значительной степени характеризуется количеством отверженных и не отверженных жизнью работников (капитального значения социологический критерий измерения общественного самочувствия нации. – В. П.). Во времена Добролюбова в некотором роде весна была (намек на общественное возбуждение перед крестьянской реформой. – В. П.): лед таял, цветы расцветали, весенние птицы весенние песни пели.

Тогдашний читатель был подобен той пчеле (из немецкой басни), которая будто высасывает из цветов только сладость, а яд оставляет. Поздний Достоевский и его читатели иные. Он (Достоевский) «пустился в публицистику и как публицист был просто путаница, которую все-таки признали бы путаницей, если бы не политиканство одних и не холопские умиления других. Но зато беллетристический талант его отточился до блеска и остроты ножа. Да и читатель был уже не тот. Он был оторван от живой жизни» [3, с. 262]. Информация для раздумий... В этой цитате каждая фраза и даже отдельные слова требуют точных и обширных комментариев.

Вольнее чувствовал себя Михайловский, сравнивая Францию и ее литературу в эпоху Наполеона III (1851–1871) и после Седана (пленение императора и разгром французской армии, громадная контрибуция). Михайловский сравни-

вает два поколения: 1) родившиеся около времени краха республики 1848 г. и 2) поколение «конца века» («fin de siècle»). Для первого поколения использован образ перил на лестницах: старые учреждения для них – как перила у лестницы; постоянной надобности в этих перилах нет, а на всякий случай не вредно знать все-таки, что они тут и за них можно ухватиться [5, с. 19]. Тургенев каялся за введение слова «нигилист». Но это слово нашло себе настоящее место во Франции для второго поколения, поскольку старые боги бледнели, тускнели, а новых не народилось. Французы отвернулись от судорожных порывов к идеалу с широкими задачами [5, с. 20]. Их олицетворяют герои романов Поля Бурже (Le disciple) и Альфонса Додэ (La lutte pour la vie). Это поколение бездейно сытое (выражение Щедрина) и пресыщенное. Ему доставляет удовольствие пикантное развлечение – хождение вокруг обнаженного торса. Сытые безучастно созерцают, пресыщенные сладострастно смакуют. Э. Золя замолк как теоретик (рассуждения о натурализме, новом романе, научном анализе). Его философская оценка французской литературы равна нулю [5, с. 1–2, 8–9]. Михайловский иронично воспринимает сочинения И. Тэна, Э. Ренана: «Хуже всякого пустого места» [5, с. 239]. В четырех драмах Ренана (1904) Михайловский находит непривлекательную изнанку манифеста о свободной мысли: к вершине общественной иерархии стягивается разум, оставляя низы во мраке [7, т. II, с. 504]. Вне сомнения, тональность реплик Михайловского относительно отдельных французских писателей преувеличенно уничижительная; возражения знатоков, вне сомнения, последуют. Но в «сухом остатке» непреложен тезис о взаимосвязях эпохи, поколений писателей и читателей.

Литература как общественный институт. На пике своего влияния зрелый Михайловский не оставил в одном, цельном тексте развернутое изложение своих взглядов на миссию литературы в обществе. Но в малых формах своих сочинений он оставил жемчужины «разных разностей» (его собственное выражение) о литературе и писателях. Бегло ознакомимся с отдельными из них.

Н. К. Михайловский придерживался широкого определения литературы, включая в нее литературную критику и публицистику. И дело не в авторских амбициях российского «жандарма литературной республики» (А. Волынский). По состоянию критики (заодно и публицистики) Н. К. Михайловский призывал судить и о состоянии литературы и ее основных жанров [8, с. 538].

Включение публицистики в корпус литературных произведений ставит перед литературоведами и источниками литературы трудноразрешимую задачу: как преодолеть разногласия и тематический хаос публицистических артефактов на злобу дня и вычленили основные мыслительные линии в творчестве литературного «кентавра»? Н. К. Михайловский отчасти продвигал такую идентификацию, издав сборник «Литература и жизнь» (1892). Но основное бремя ответственности легло на составителей полного собрания его сочинений (ПСС) (издания 1905, 1909, 1914 гг.). В последнем издании (вст. ст. Н. С. Русанова, редакция и примечания Е. Е. Колосова, при участии Н. Н. Михайловского и М. К. Лемке) подготовлен добротный предметный указатель (т. X).

Н. К. Михайловского беспокоила не только судьба литературы, но и реакция общества на науку, ее достижения и неудачи (особенно общественно-ведческой). Он предупреждал о двух заблуждениях вокруг науки: 1) то, что прогресс обеспечивает не наука сама по себе, а мощная и бескомпромиссная поддержка общественного мнения и 2) «фырканы» в адрес науки (недовольство, разочарование в ней, банкротство отдельных теорий).

Вернемся к эпитету «Жестокий талант» к таким произведениям Ф. М. Достоевского, как «Игрок», «Записки из подполья», «Униженные и оскорбленные» и др. Н. К. Михайловский не соглашался с идеей, что насилие органично присуще природе человека. И вместе с тем он допускал, что Достоевский обнаружил нечто в человеке, недоступное разуму, и всю жизнь терзался этой недоступностью [7, т. 2, с. 308]. Не соглашался Н. К. Михайловский с отдельными мифами из «Дневника писателя» (1873–1881), например, о том, русский народ является единственным народом-богоносцем [7, т. 2, с. 287].

Н. К. Михайловский один из первых благожелательно откликнулся на выход в переводе на русский язык первого тома «Капитала» К. Маркса (изд. Н. П. Полякова, рецензия в «Отечественных записках», апрель 1872 г.). В этой рецензии находим реплики, относящиеся к предмету данной статьи: «Пусть свобода надула Европу, но нас она не надула, ибо мы ее не видели», – и возмущенные строки против «фырканы» на науку, свободу, промышленность [6, т. 10, с. 1, 7].

Краткий экскурс в наследие Н. К. Михайловского, надеюсь, убедил моих читателей в необходимости поиска невостреченного в истории общественной мысли и действия России.

Библиографический список

1. Гуссерль, Эдмунд. Избранные работы [Текст] / Э. Гуссерль ; сост. В. А. Куренной. – М. : ИД «Территория будущего», 2005. – 464 с.
2. Лукин, В. Н. Эстетические взгляды Н. К. Михайловского [Текст] / В. Н. Лукин. – Куйбышев, 1972. – 92 с.
3. Михайловский, Н. К. Литературно-критические статьи [Текст] / Н. К. Михайловский. – М. : Гослитиздат, 1957. – 664 с.
4. Михайловский, Н. К. Избранные труды / сост., авт. вст. ст. и коммент. В. В. Блохин [Текст] / Н. К. Михайловский. – М. : РОССПЭН, 2010. – 664 с.
5. Михайловский, Н. К. Литература и жизнь. Письма о разных разностях [Текст] / Н. К. Михайловский. – СПб. : Общая польза, 1892. – 394 с.
6. Михайловский, Н. К. Полн. собр. соч. : в 10 т. Т. 8 и 10 [Текст] / Н. К. Михайловский. – СПб., 1913–1914.
7. Последние сочинения Н. К. Михайловского. Т. I и II [Текст]. – СПб. : Рус. богатство, 1905. – 504 с.
8. Михайловский, Н. К. Русское отражение французского символизма [Текст] / Н. К. Михайловский. – Полн. собр. соч. – Т. 7. – СПб., 1909. – С. 512–547.

Bibliograficheskij spisok

1. Gusserl', Jedmund. Izbrannye raboty [Tekst] / Je. Gusserl' ; sost. V. A. Kurennoj. – M. : ID «Territorija budushhego», 2005. – 464 s.
2. Lukin, V. N. Jesteticheskie vzgljady N. K. Mihajlovskogo [Tekst] / V. N. Lukin. – Kujbyshev, 1972. – 92 s.
3. Mihajlovskij, N. K. Literaturno-kriticheskie stat'i [Tekst] / N. K. Mihajlovskij. – M. : Goslitizdat, 1957. – 664 s.
4. Mihajlovskij, N. K. Izbrannye trudy / sost., avt. vst. st. i komment. V. V. Blohin [Tekst] / N. K. Mihajlovskij. – M. : ROSSPJeN, 2010. – 664 s.
5. Mihajlovskij, N. K. Literatura i zhizn'. Pis'ma o raznyh raznostjah [Tekst] / N. K. Mihajlovskij. – SPb. : Obshhaja pol'za, 1892. – 394 s.
6. Mihajlovskij, N. K. Poln. sobr. soch. : v 10 t. T. 8 i 10 [Tekst] / N. K. Mihajlovskij. – SPb., 1913–1914.
7. Poslednie sochinenija N. K. Mihajlovskogo. T. I i II [Tekst]. – SPb. : Rus.bogatstvo, 1905. – 504 s.
8. Mihajlovskij, N. K. Russkoe otrazhenie francuzskogo simbolizma [Tekst] / N. K. Mihajlovskij. – Poln. sobr. soch. – T. 7. – SPb., 1909. – S. 512–547.